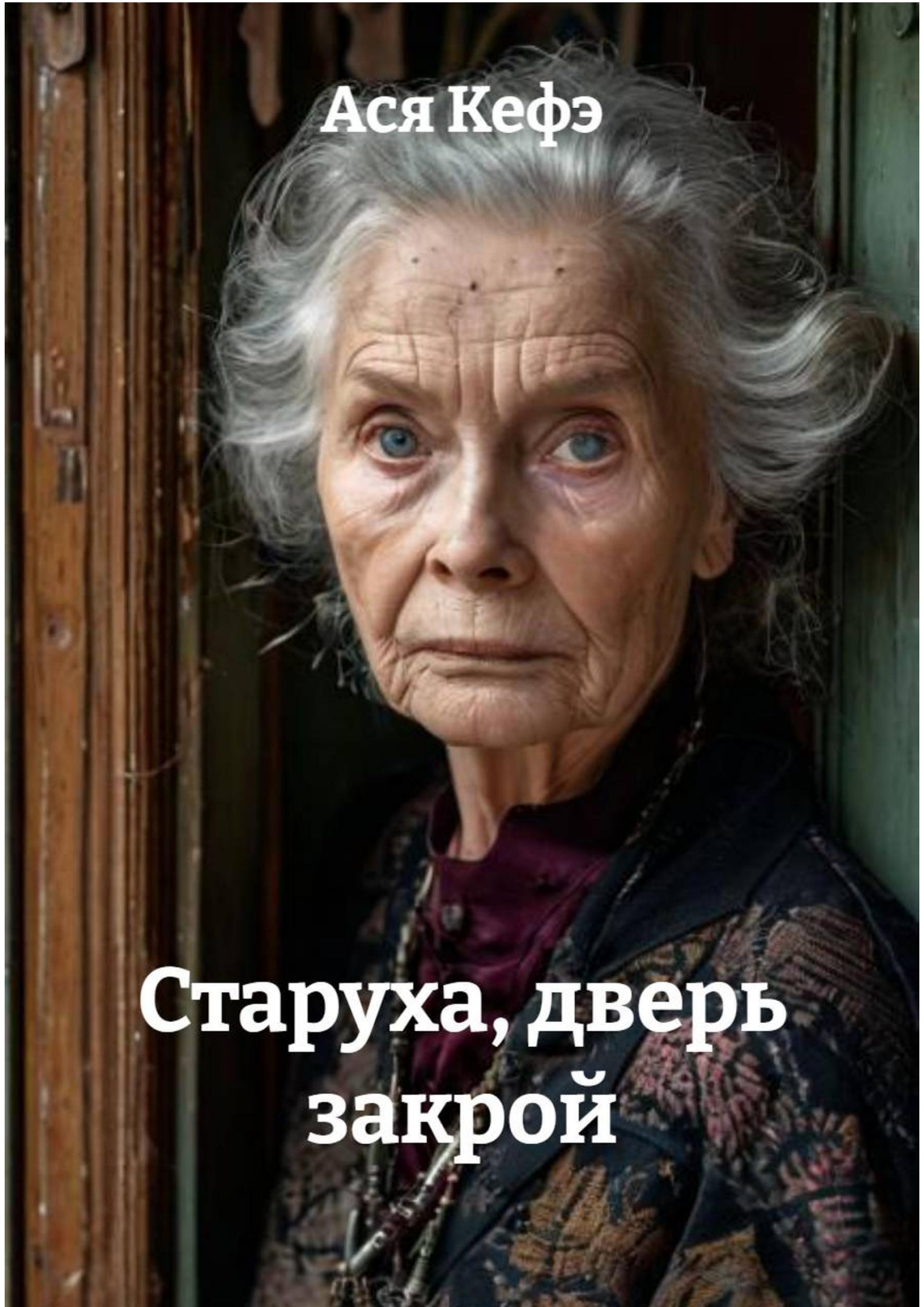

A close-up portrait of an elderly woman with white, wavy hair and deep wrinkles. She has striking blue eyes and a serious expression. She is wearing a dark, patterned jacket over a maroon top. The background is a dark, textured wooden door.

Ася Кефэ

**Старуха, дверь
закрой**

Ася Кефэ

Старуха, дверь закрой

«Автор»

2026

Кефэ А.

Старуха, дверь закрой / А. Кефэ — «Автор», 2026

В подъезде её называют старухой, дома — ведьмой. Людмила Петровна живёт в квартире, где ничего не менялось со времён её бабки, и в браке, который держится на привычке и взаимной ненависти. В зеркале у неё живёт Людочка — моложе, дерзче, та, которой когда-то казалось, что ради любви можно предать подругу и связать жизнь с «правильным» мужчиной. В прошлом — командировка в Сочи, украденные деньги, насилие и сделка, о которой знают трое: Люда, Соня и Виктор. Когда все они оказываются перед одной закрытой дверью, каждому приходится ответить на вопрос: кто здесь жертва, кто палач — и можно ли ещё шагнуть в другую жизнь, если почти всю уже прожил не свою.

© Кефэ А., 2026

© Автор, 2026

Ася Кефэ

Старуха, дверь закрой

Людмила Петровна поднималась по лестнице, тяжело таща два пакета. Плечи ныли, пальцы сводило, но она упрямо делала шаг за шагом, не давая себе ни вздохов, ни передышки. На площадке приоткрылась дверь, и в полутьме послышался неприятно резкий голос:

— Сколько вас развелось, дармоедов. Пожили на свете — и хватит. Ан-нет, всё мало, всё вам что-то надо. Дома бы сидели, а не шлялись целыми днями, воздух только портите.

Людмила Петровна машинально втянула голову в плечи, будто пытаясь сделать себя меньше.

Ей хотелось ответить — грубо, с теми словами, которые давно крутились на языке. «Сам бы помылся, боров немытый», — мелькнуло в голове. Но губы сжались в прямую линию. Она лишь сильнее вцепилась в ручки пакетов и молча подошла к своей двери.

Замок, как всегда, заел на пол-обороте, пришлось дёрнуть сильнее. Дверь нехотя поддавалась, и Людмила Петровна шагнула внутрь.

В прихожей она поставила пакеты на пол и, немного отдышавшись, повернулась к зеркалу на стене.

Зеркало висело здесь много лет — старое, в потемневшей раме, наследство от родителей. Обычно она пробегала мимо, бросая на себя беглый взгляд: «жива — и ладно». Но сегодня задержалась.

Из отражения на неё смотрела женщина лет сорока пяти: живое лицо, острый подбородок, глаза с хитрым прищуром. Никакой старухи, никакой «дармоедки». Просто ухоженная, усталая, но ещё вполне привлекательная баба.

Людмила Петровна скривила рожицу, кособоко прошла перед зеркалом, слегка ковыляя, как будто подыгрывая соседскому «старуха-старуха».

И вдруг хриловато усмехнулась:

— Людка, а Людка... — сказала она своему отражению. — Вот и дожили мы с тобой до того, что нас уже на тот свет отправляют.

Она наклонилась ближе, рассматривая морщины у глаз, складку между бровями, вдавленные щёки.

«Да вроде и не старая, — думала она. — Вид утомлённый, но не прям древняя...»

Досада на соседа вдруг прорвалась:

— Да и хер с этим дебилом, — буркнула она уже вслух, выпрямляясь. — Нашла, на кого обращать внимание. И воздух я не порчу. На себя посмотри сначала, боров немытый.

Отражение фыркнуло.

— Да тебе почаше такое надо говорить, старая ты зануда! — донёсся из зеркала голос. Он был похож на её собственный, только живее и моложе. — О себе не думаешь — хоть бы про меня подумала, а? Дура старая, совсем жизни не даёшь... А ведь я у тебя — единственная, кто всегда рядом.

Людмила Петровна не вздрогнула. Она давно привыкла, что в этом доме у неё две собеседницы: она сама — Людмила Петровна, и та, из зеркала, — Людочка.

Отражение — Людочка — с видимым усилием «выскользнула» из зеркала, как будто рамка была границей между мирами. С ловкостью кошки забралась на деревянную раму, устроилась, свесив ноги, и, покачиваясь, продолжила негромко, но с привычным напором:

— Как же ты мне надоела, Людка! Себя гроишь — и меня за собой в гроб тащишь, упрямая баба. Каждый раз тебе показываю, какая ты, а ты всё своё старьё на себя напялишь, согнёшься в три погибели и пошла... — она изобразила движения хозяйки. — Ну открой ты

уже глаза, не слепая ведь! Без очков ходишь, на деменцию не похоже. По паспорту-то ещё всего шестьдесят пять, а ведёшь себя как мумия.

Людмила Петровна фыркнула, но не ответила. Слова Людочки болезненно попадали «в точку».

В этот момент где-то в глубине квартиры зазвонил телефон. Звонок был настойчивый, резкий, как будто не терпящий возражений.

— Звонят! — раздражённо крикнула она в сторону комнаты. — Трубку возьми ты, наконец-то!

Из глубины квартиры донёсся глухой голос:

— А?

— Что «А»? Трубку возьми! — повышая тон, повторила она.

Из комнаты вышел Виктор Викторович — мужчина её возраста, внешне всё ещё сохранивший остатки былой привлекательности: прямую осанку, густые брови, аккуратную седину. Но глаза были уставшие, потухшие.

— Чего ты орёшь? — нахмурился он. — Я же говорил, меня не беспокоить. Когда ты уже отстанешь от меня и оставишь в покое?

Телефон продолжал звенеть, будто поддакивая Людмиле Петровне.

— Я? Я ору? — она всплеснула руками. — Нет, ну посмотрите на него... Я НЕ ОРУ! Только звонят всегда тебе, а я ещё и трубки тебе снимать должна? Хватит и того, что жрать тебе готовлю и бельё твоё стираю, кстати, убираю тут тоже я. А ещё ты живёшь в моей квартире! И да, я давно ничего от тебя не хочу! — выпалила она почти на одном дыхании и, сжав кулаки, по слогам, как заклинание, добавила: — Те-ле-фоооон звонит!

Виктор Викторович поморщился, развернулся и пошёл к себе. Дверь его комнаты хлопнула так сильно, что старая ручка вылетела и с грохотом упала на пол. Он выглянул обратно, поднял её, попытался воткнуть обратно, выругался себе под нос:

— Ведьма...

Людмила Петровна вздохнула тяжело и прошла в свою комнату, привычным жестом провела ладонью по подлокотнику старого кресла и опустилась, снова тяжело вздохнув. Комната пахла нафталином и старыми книгами. Всё здесь было как при жизни ее родителей: те же шторы, те же ковры, те же тяжёлые шкафы.

— Вот странно... — проговорила она вслух. — У всех уже мобильные, этих городских телефонов, наверное, ни у кого нет. А мы всё «у аппарата говорим»...

Взгляд прошёл по стенам, по аккуратно разложенным салфеткам, по фарфоровым статуэткам в шкафу.

И вдруг в голову врезалась мысль, от которой стало не по себе:

«Я здесь живу всю свою жизнь. И всё — как было. Родители ничего не трогали. Я — тоже. Мы даже мебель никогда не переставляли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.